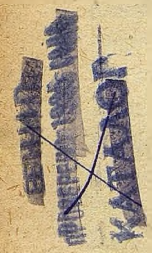
ДЕТСКИЙ ТЕАТР

П. ЯЛЬЦЕВ

Я-537

ВОЛЧЬЯ СТАЯ



ПЬЕСА

В ТРЕХ КАРТИНАХ С ПРОЛОГОМ

ОБЛОЖКА В. КОВАЛЬЦИГ

27893

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД
1925

Я-537 п в.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Отец Елизар—игумен Троицкого монастыря.
Кондратий, Василий, Ипатий } монахи
Комиссар
Андрей, Николай } комсомольцы.
Тихон—кулак, содержатель постоялого двора.
Марфа—его жена.
Матвей Кряж—знахарь.
Иван—работник Тихона.
Баба с ребенком.
Терентий—мужик из бедняков.
Отец Трофим—священник.
Мужики.

Пролог происходит в Троицком монастыре в келье игумена.

1-е и 3-е действия — на постоялом дворе Тихона.

2-е действие—в избе знахаря Кряжа.

Между прологом и пьесой проходит два года.

ПРОЛОГ

Троицкий монастырь. Келья игумена монастыря—Елизара. По стенам развешены: иконы, картины из священного писания, портреты. Две двери: одна ведет в сени, другая—в соседнюю комнату. За столом сам Елизар, седой, хмурый старик. Против него: бумаги, тетради, в которых он делает какие-то отметки. Доносится колокольный звон. Елизар откладывает в сторону карандаш и, зевая, крестится.

За дверью. Во имя отца и сына и святого духа...

Елизар. Аминь. *(Входит Кондратий.)*

Кондратий. Отец Елизар! Комиссар приехал!

Елизар *(крестясь)*. Ох, господи! Опять!

Кондратий. Опять, отец Елизар.

Елизар. Где же он сейчас?

Кондратий. В трапезной сидит. Должно, будет братию допрашивать.

Елизар. Как-бы кто из них не проговорился.

Кондратий. Что вы, отец Елизар! Неужто вы нашей братии не знаете! Ничего он от них не добьется. Знать не знаем и ведать не ведаем. Вот и весь наш ответ.

Елизар. С чем приехал, с тем и уедет.

Из-за двери. Во имя отца и сына и святого духа...

Елизар. Аминь. *(Входит Василий.)*

Кондратий. Ну, что там?

Василий. С братией в трапезной сидит. Все до ниточки выспрашивает. Что? Как? Почему? Были ли у вас бриллианты?.. Дотошливый такой парень.

Елизар. Ну, а что ж братия?

Василий. Братия свое твердит: ничего мы не знаем. *(Понижая голос.)* Как бы они опять обыска не устроили. От них ведь всего можно ждать.

Кондратий. Ох, господи, господи!

Елизар. Да ведь был обыск. Весь храм обыскали, все кельи перерыли. Мало им этого?

Василий. Еще двадцать раз будут обыскивать. Сами знаете, какой это народ.

Елизар. Ну, пусть ищут на здоровье, все равно ничего не найдут. Хи-хи-хи! *(В тон отцу Елизару хихикают и монахи.)* Бриллиантики-то в укромном местечке запрятаны, надежным ключом заперты. Среди болот непролазных, среди лесов дремучих хранятся.

Кондратий. Где же они, отец Елизар?

Елизар *(понижая голос)*. Знает об этом господь, я, да тот, у кого они на хранении находятся. Вот, когда понадобится, открою сию тайну и вам, братия. Пройдет годика два—три, уляжется эта буря, а там можно будет и драгоценности на свет божий вызволить.

Кондратий. А ежели тот человек, у которого они хранятся, большевикам в лапы попадется. Тогда что?

Елизар (*усмехаясь*). Не попадется. Живет он в глуши, среди лесов. Там наверное и большевики-то никогда не бывали. Знаете сельцо Голодаево?

Кондратий. Как не знать. В тридцати верстах, чай, от нас находится.

Василий. Воистину, глухое место.

Елизар. Туда только зимою и можно пробраться,

а весной, летом ни пройдешь, ни проедешь. Кругом болота топки, овраги, леса, кустарники, балки. Там о большевиках-то, пожалуй, только по слуху знают.

Василий. Коли так, то это место надежное.

Кондратий. Да уж надежней и не придумаешь.

Елизар. Когда потребуются нам эти драгоценности, вы и пойдете за ними. Кроме нас, ими никто не воспользуется, тем паче большевики. (*В келью вбегает монах. Скуфья у него сбита на бок, волосы растрепаны.*)

Кондратий. Что с тобой, отец Ипатий?

Ипатий. Ох! Отец Елизар! Комиссар...

Елизар. Что комиссар?

Ипатий. Сюда, к вам идет.

Елизар. Господи! Вот напасти-то!

Кондратий. Свят-свят!..

Елизар. Чтоб им пусто было. Сейчас опять начнут потрошить...

Василий. Потрошить?!.

Елизар. Тьфу, не потрошить, а тормошить. Даже язык заплетается. За кои грехи наказуешь нас, господи!

Ипатий. И не говорите...

Кондратий. Ты, отец Елизар, не сдавайся.

Елизар. Не учи. Знать не знаю и ведать не ведую—вот и весь мой ответ.

Василий. Помоги тебе господи!..

Елизар. Вы, братия, идите-ка в соседнюю комнату. (*Монахи уходят. Елизар прикрывает за ними дверь. Раздается стук.*) Войдите. (*Входит комиссар.*)

Комиссар. Вы игумен Троицкого монастыря?

Елизар. Я... Прошу садиться.

Комиссар (*опускаясь на скамейку и доставая из портфеля какие-то бумаги*). Как ваша фамилия?

Елизар. Благовещенский.

Комиссар. Гражданин Благовещенский, месяц тому назад, т.-е. в январе тысяча девятьсот двадцать второго года, в вашем монастыре производилось изъятие церковных ценностей для голодающих...

Елизар. Да...

Комиссар. Вы старались всеми силами помешать этому изъятию.

Елизар. Что вы, товарищ-гражданин! Наоборот, я приветствовал этот... этот шаг. Ради умирающих надо итти на все. Сам Христос...

Комиссар. А почему же в своих проповедях вы призывали народ к защите ценностей, которые хранились в вашем монастыре?

Елизар. Это неправда! Мы всеми силами старались помочь голодающим братиям. Наш монастырь даже взял двух ребятишек на воспитание.

Комиссар. У вас этих ребятишек отобрали, потому что вы их превратили в батраков. Ну, это все к делу не относится. Я явился сюда для другого. Когда у вас отбирали ценности, то в некоторых иконах вместо настоящих бриллиантов нашли поддельные.

Елизар. Настоящих бриллиантов у нас никогда и не было. Откуда им быть? Монастырь наш бедный. Богомольцы богатые к нам редко приезжали. Все больше мужики бывали, а с мужика, сами знаете, много не возьмешь. Гроши-копейки...

Комиссар. Ну, положим, вы-то ухитрялись брать. И копейками не брезгали. Итак, вы говорите, что в иконах бриллианты были фальшивые?

Елизар. Самые обыкновенные стекла.

Комиссар. Но почему же ваш монастырь до революции славился этими бриллиантами?

Елизар. Среди мужиков, действительно, говорили о том, что у нас в Троицком монастыре иконы с бриллиантами. Так вы сами знаете, какой у нас народ-то. Что блестит, то и бриллиант. А какой он, настоящий или фальшивый, в этом никогда не разбирались.

Комиссар. Значит, настоящих бриллиантов в вашем монастыре никогда не было?

Елизар. Никогда.

Комиссар. Хорошо. На этих днях мы произведем расследование вторично. А до этого времени вы не должны никуда выезжать из монастыря.

Елизар. Хорошо.

Комиссар *(поднимаясь)*. До свиданья.

Елизар. До свиданья. *(Комиссар выходит.)*

Кондратий. Ушел...

Елизар. Ищите-ищите, авось и найдете. Хи-хи-хи!

Кондратий. Ишь ты—для голодных. Прокормите сами этих голодных, а на монастырское добро вам нечего зубы точить. Антихристы!..

Елизар. Чужим добром голодных накормить захотели. Нет, голубчики, не видать вам этих бриллиантов, как своих ушей. Хи-хи-хи!..

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Постоялый двор Тихона Кустарева близ маленького сельца Голодаева. Бревенчатые стены, окна завешены ситцевыми занавесками. В углу большая русская печь. Три двери: одна в чулан, в котором помещается Иван, другая — в хозяйскую горницу, а третья — в сени. По стенам тянутся широкие лавки. За столом: Иван, Николай и Андрей, перед ними пузатый самовар и чашки. Вечер. Доносится завывание вьюги. На улице лает собака.

Иван. Допрашивали монахов, игумена, а камней драгоценных так и не нашли. Заладили все в один голос: «никаких камней у нас в монастыре не было». Что ж ты с ними поделаешь.

Андрей. Ну, а как же, по-твоему, были камни?

Иван. Кто их знает, може и были. До революции ведь это был самый богатый монастырь в округе. Отец Елизар умел к себе народ заманить. И купцы у него бывали, и помещики, а про нашего брата-мужика и говорить не приходится — валом-валили. Это теперь народ от веры откачнулся, молодых-то палкой в церковь не загонишь. А раньше, как праздник, и старые и малые со всех концов текли.

Марфа (*кричит из горницы*). Иван!

Иван. Чего!..

Марфа. Чего-чего! Поди посмотри, что там со-

бака-то лает. Може кто едет. Не скажешь тебе, так сам-то никогда не догадаешься вытти.

Иван. Да она все время брешет. Може с холоду.

Марфа. Коли говорят—так иди.

Николай. Кто это такое?

Иван (*тихо*). Хозяйка. Такая злыдня, чтоб ей пусто было. С утра до вечера как пес голодный ворчит. (*Зажигает фонарь, накидывает на плечи полушубок и выходит.*)

Николай (*подходя к окну и откидывая занавеску*). Экая глушь!

Андрей. Чего ж ты хочешь. Конечно не город, а деревня-матушка. На нашу долю тут работы хватит. (*С улицы доносится голос Ивана: «Волчок! Волчок!» Собака на некоторое время смолкает, а затем снова разливается звонким, отрывистым лаем.*)

Николай. Трех верст не дошли до деревни.

Андрей. Видишь, какая вьюга поднялась. В такую погоду далеко не уйдешь. Вот к утру стихнет, тогда и тронемся. Придем, отыщем сельсовет, денечек отдохнем, а там и за работу.

Николай. Хотел бы я знать, как нас примут мужики.

Андрей. Первое время, конечно, будут дичиться. Не любит деревня новых людей. А там посмотрим. Все от нас зависит. Подружимся с мужиками—и работа пойдет. В первую очередь избу-читальню нужно будет устроить, а там...

Николай. Это какая-то медвежья берлога. Куда ни поглядишь—леса да снег, снег да леса. В селе-то даже школы нет.

Андрей. Леса не мешают—это вещь нужная. Вот школы нет—это плохо. Ну, да ладно, будет и школа.

(*Входит Иван, гасит фонарь и вешает полушубок на гвоздь.*)

Иван (*садясь к столу*). Ветер, ровно бешеный—так и рвет, так и рвет—на ногах трудно устоять.

Марфа (*из горницы*). Кто там?

Иван. Я.

Марфа. Знаю, что ты. На улице-то кто?

Иван. Окромя Волчка—никого нет.

Марфа. Почаще выходи-то! А то как сядешь на лавку, так и не поднимешься, пока в бок не толкнешь.

Андрей. Сердитая баба.

Иван. Житья от нее нет. Ровно пила—день-денской пилит-пилит. Тьфу! Коли была бы моя воля, дня бы одного здесь не прожил.

Николай. Что ж, возьми да уйди.

Иван (*вздыхая*). Легко сказать да трудно сделать. На отработке я здесь, до самой весны маяться должен.

Андрей. На какой отработке?

Иван. Взял я у Тихона Иваныча, у хозяина-то своего, хлеба для семьи в долг. Земли у нас мало, кругом леса, болота, так своего хлеба только до рождества хватает, а там уж приходится кое-как перебиваться. Занял это я у него хлеба, осенью отдал, да еще за такое одолжение вот уже третий месяц задарма у него работаю.

Андрей. Ну и кулак же твой Тихон Иваныч!

Иван (*понижая голос*). Кулак, да еще какой! Всю округу у себя в лапах держит. Народ у нас темный, кругом глушь, власти редко бывают, а ежели кто и приезжает, так мужики слово боятся сказать. Кому охота такого врага наживать.

Андрей. Подожди, братец, дай нам только здесь устроиться, тогда мы возьмемся за этого Тихона Иваныча.

Иван. Это хорошо, что вас прислали. А то пес знает, до чего дело дошло. Прямо хоть ложись да помирай. Всех ведь дьявол в бараний рог скрутил. Трудно с ним воевать. Возьму к примеру себя. Скажи я слово против Тихона Иваныча, так на другой день без дома останешься, а то пожалуй и без головы. Оно конечно, если бы я один был, а то у меня трое ребят, жена, да мать старая на руках... Приходится держать язык за зубами. Да, такие-то дела... *(В окно раздается стук. Собака начинает еще громче лаять.)*

Николай. Стучат!

Иван. Кто это в такую пору... *(Одевается, берет фонарь и выходит.)*

Андрей. Ну, дружище, что ты на это скажешь?

Лбов. Что ж говорить.

Андрей. Одним словом, работы на нашу долю хватит.

Иван (*входя в избу*). Отряхнись в сенцах, тетка, да входи... Ишь как тебя занесло... *(Входит баба. Она в шубе, на руках у нее закутанный маленький ребенок.)*

Баба (*крестясь в угол*). Здравствуйте...

Иван. Здравствуй... Ребенка-то вот сюда положи, да раздевайся...

Баба. Спасибо, касатик. (*Кладет на лавку ребенка и снимает шубу.*)

Иван. Садись к самовару... Смерзла?

Баба. Ох, ни рук, ни ног не чую, батюшка. Уж думала я, что в поле замерзну. С дороги сбилась, зашла в какой-то кустарник. Уж блудила-блудила, куда ни повернусь, кусты да снег, снег да кусты. Думала я, что конец мой пришел. Хорошо, что собака ваша залаяла. Кое-как дошла.

Иван (*наливая чай*). Чудачка! В эдакую пору с ребенком малым в дорогу тронулась. Откуда ты?

Баба. Из Дягилева, батюшка, из Дягилева.

Иван. А куда идешь-то?

Баба. В Голодаево.

Иван. В Голодаево, это значит к нам... Я сам Голодаевский. Ты к кому?

Баба. К Матвею Кряжу.

Иван. А-а... Что, с хворью?

Баба (*схлебывая с блюдечка чай*). Да вот с мальчонкой. Четвертый день как схватило. Не ест, не пьет, а по тельцу какие-то пятна красные пошли. Я его и водой святой спрыскивала, и молоком наговорным поила— не помогает.

Николай. А к доктору ты его не носила?

Баба. К доктору? Ну, что ты, касатик. Какой толк от этих дохторов. Была я у них один раз, а потом дала зарок — во веки вечные к ним не ходить. Сунул мне дохтор подмышки какой-то пузырек длинный...

Андрей (*Николаю*). Градусник...

Баба. А потом дал капель. «По три,—говорит,— капли лей». А разве мне три капли помогут? Там и воробью-то клюнуть нечего.

Андрей. А сейчас ты к кому же идешь?

Баба. А к Матвею Кряжу. Знахарь он, да какой знахарь-то! Всю округу пользует, как есть всю.

Иван. Не верю я ему.

Баба. Что ты, батюшка! Кряжу не веришь? Ты посмотри, от каких болестей он только не лечит. Для каждой хвори у него свое средствие есть. Заговоры, нашептывание, баня...

Иван. Баня. Через его баню у меня отец на тот свет отправился.

Баба. На тот свет?

Иван. На тот свет, тетка. В прошлом году, по

весне дело-то было. Схватила отца лихорадка. Трясет его день и ночь. Как-раз самая работа началась, люди в поле едут, а отец подняться не может. Хотел я его к доктору везти, а он уперся и ни в какую. Не хочу, грит, доктора! Позовите ко мне Кряжа! Ну, что ж делать, привела мать Кряжа. Посмотрел он отца да и говорит: трясучка в нем сидит. Надо—грит—баню натопить и парить его четырьмя вениками. Парить до тех пор, пока трясучка не выйдет. Затопили наши баню, позвали мужиков и взялись за дело. В бане не продохнешь от жары. Отец сперва крепился, а потом благим матом орать стал: «Отпустите, братцы! Не могу!» А Кряж стоит в предбаннике да мужиков подзадоривает: «Шибче! Шибче! Гоните трясучку! Гоните проклятущую!» Мужики, конечно, рады стараться. Двое отца держат, а четверо—вот молотят, вот молотят его по спине. Орал-орал батька, а потом примолк.

Баба. Ишь ты!

Иван. Помолотили они его этак с час, а потом вынесли в предбанник.

Баба. Ну и что ж, выгнали?

Иван. Выгнали. Только не трясучку, а жизнь... До смерти старика запарили. Хотел я этого Кряжа проучить, да где тут—сухим из воды чорт горбатый вышел. «Он—говорит—криком хворь во внутрь загнал».

Баба. Ну, вот, видишь. Ему бы нужно было крепиться, не кричать. От крика, известно, болесть во внутрь заходит... Сам старик виноват.

Иван. Ну, вот, поговори с тобой.

Баба. Кряж тут не при чем.

Николай. Плюнула бы ты, тетка, на своего знахаря, да шла бы с ребенком к доктору...

Баба. Знаем мы, батюшка, этих дохторов.

Андрей *(тихо)*. Брось, Николай!.. Все равно она тебя не послушает.

Николай. Да ведь нужно ей объяснить.

Андрей. Сейчас ты сколько ни объясняй, она тебя все равно не поймет. Вот подожди, устроимся здесь, тогда возьмемся за это дело. Наше от нас не уйдет... *(Обращаясь к Ивану.)* Слушай, брат, а где ты положишь нас спать?..

Иван. Где?.. У вас с собой ничего нет?

Андрей. Кроме простыней—ничего... *(Достает из-под лавки вещевой мешок и берет из него простыни. Вместе с простынями из мешка выпадают несколько париков и бород.)*

Иван. А это что у вас?

Андрей. Парики. Спектакли у вас устраивать будем.

Иван. Ишь ты! (*Андрей отворачивается, надевает быстро на голову седой парик, прикрепляет усы, бороду и поворачивает лицо в сторону бабы.*)

Баба (*роняя блюдечко*). Ой, батюшки!

Андрей (*срывая парик*). Испугалась?

Баба (*крестясь*). Свят-свят! Экая образина.

Иван. Ловко!.. (*Поднимаясь*). Вот что, братцы, ложитесь-ка вы у меня в чулане.

Николай. А где же ты ляжешь?

Иван. На мою долю места хватит... А тетку мы в хозяйском чулане уложим.

Баба. Мне-то уж не до сна... (*Вылезает из-за стола и крестится в угол.*) Спасибо.

Иван. Не стоит.

Баба (*берет на руки ребенка*). Боюсь я, как бы что с парнишкой не случилось. Ежели бы не вьюга, так сейчас бы пошла к Кряжу. Не покойно у меня на сердце,

668723
Российская государственная детская библиотека

Иван. К рассвету все стихнет, тогда и пойдешь. *(Сквозь вой вьюги начинает доноситься звон колокольчика, который делается все слышнее и слышнее.)* Хозяин едет.

Марфа. Иван! Тихон Иваныч едет!

Иван. Слышу.

Марфа. А коли слышишь, так иди, встречай.

Андрей. Пойдем спать, Николай.

Иван. Обождите. Хозяина моего посмотрите.

Андрей. Ну, еще успеем познакомиться. Хоть и за четыре версты будем жить, а встречаться-то наверное придется. (*Идут в чулан.*)

Иван (*натягивая полушубок*). Коли хочешь, иди ложись, тетка. Завтра с первыми петухами разбужу.

Баба. Все равно, не усну я. Малый у меня из головы не выходит.

Иван. А ты о нем не думай и уснешь. (*Слышно, как лошади остановились около дома. Раздается грубый окрик: «Тпру! Окаянные!» Иван выбегает в сени. Баба крестит рот и зевая тоже уходит в другую дверь. Через некоторое время в избу вваливается Тихон, за ним входят монахи: Кондратий и Василий. Все трое полупьяные.*)

Тихон. Расступись!.. Хозяин идет!.. Иван!..

Иван (*из сеней*). Иду...

Тихон (*раскачиваясь*). Живо.

Иван (*входя*). Тут.

Тихон. Не тут, а здесь. Не знаешь, как с хозяином разговаривать?! Сними с меня тулуп! (*Иван стаскивает с Тихона тулуп. Из горницы выходит Марфа.*) Хозяйка! Принимай гостей!

Кондратий (*крестясь*). Мир дому сему.

Василий. Хозяевам здравия и благополучия пошли, господи!..

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ГИЗ
БИБЛИОТЕКА
Чтения
ФУНДАМЕНТ. БИБЛИОТЕКА
Моск. Госуд. Пединституту

Тихон (*опускаясь на скамейку*). Эх-ма! Вот и дома!.. Сбирай на стол, Марфа!..

Марфа. Ужинать будете иль чай пить?

Тихон. Ужинать! Раз—два!..

Марфа (*сбирая на стол*). Тише ты. Постояльцы есть.

Тихон. А что мне за указ постояльцы!.. Мой дом, что хочу, то и творю. Я здесь хозяин!.. Иван, иди, лошадей распрягай... (*Иван выходит.*) Раздевайтесь, отцы почтенные, ужинать сейчас будем. Чай, замерзли?

Кондратий. Есть такой грех. Лютую погоду господь посылает.

Василий. Свету божьего не видно.

Тихон (*Марфе*). По дороге их подобрал. Заехали к куму Семену, выпили там и сюда покатили.

Кондратий (*потирая руки*). Так и жжет.

Тихон. А вот сейчас отогреемся... Принеси-ка, Марфа, нам две бутылочки горяченькой.

Марфа. Да хватит тебе, и так уж нос сизый сделался...

Тихон. Ты нос мой не трожь!.. Да!.. Лучше на свой смотри...

Марфа. Да я что ж, я ничего...

Тихон. То-то! Не люблю, когда бабы рассуждают. Не вашего бабьего ума это дело. У бабы волос длинен, а ум короток. Правильно, отцы?.. Ну—живо!.. Поворачивайся!.. (*Марфа выходит.*) Так-то, отцы мои... В городе вы, значит, проживаете?

Кондратий. В городе.

Тихон. Плохо, поди, вам теперь?. Жили вы у себя в монастыре, как у Христа за пазухой. А теперь не то.

Кондратий. И не говори. Один комсомол, чтоб им пусто было, в гроб вгонят. (*Марфа вносит две бутылки с самогоном.*)

Тихон (*разливая самогон по стаканам*). А что ж теперь в вашем монастыре?

Кондратий. Колонию для ребят устроили. Человек триста сорванцов там собрано, а с ними и атаманы ихние, Стеньки Разины—воспитатели живут.

Тихон. Ох, время-время!. В монастыре—колония. До чего только дойдут эти большевики?..

Василий. Всему конец бывает.

Тихон (*беря стакан*). Прикладывайтесь, отцы.

Кондратий. Да мы уж и так много прикладывались.

Тихон. Эка беда!. Самогон вещь постная—за это господь не взыщет.

Кондратий. Ну, где нашего не пропадало. Пошли вам господь всего доброго.

Василий. За ваше здравие. (*Пьют.*)

Тихон. От теперешней власти, кроме пакостей, ничего не дождешься.

Кондратий. Остались мы без крова, без приюта. (*Входит Иван.*)

Тихон. Отпрег?

Иван. Отпрег.

Тихон. А корм заложил?

Иван. Заложил.

Тихон. А теперь можешь ложиться спать. (*Иван уходит.*) Ну, выпьем по второй. (*Наливает.*)

Кондратий. По второму, так по второму. (*Пьют.*)

Тихон (*сплевывая*). Забористая. Собственной выгонки.

Кондратий. Да, плохая жизнь пришла. За наши грехи нас господь наказует. Про себя-то мы уж не говорим, мы люди маленькие. А вот каково переносить все эти гонения, насмешки такому человеку, как наш игумен—отец Елизар? Раньше был глава монастыря,

почтенный человек, со всех сторон к нему православные тянулись, а теперь... (*Вздыхает. Ему вторит и Василий.*) Монастырь обобрали.

Тихон. Как обобрали?.

Кондратий. Да очень просто. Отбирали церковные ценности везде, два года тому назад, отобрали их и у нас.

Тихон. А-а!.. Ну, положим, отобрали, да не все.

Кондратий. Как не все?! Даже ризы серебряные с икон сняли, ироды нечестивые.

Тихон. Ризы-то сняли, а камни драгоценные небось остались у вас.

Василий. К-какие камни?

Тихон. А те, что купец Петров вам после смерти дочери пожертвовал.

Кондратий. Сказки все это.

Василий. Воистину.

Кондратий. Купец их пожертвовал пятнадцать лет тому назад. А за это время много воды утекло, ох как много...

Тихон. Что ж, и камни утекли? (*Разливает самогон.*)

Василий. Мы их давным-давно на дела полезные пустили. (*Пьют.*)

Тихон. Ишь ты, на дела полезные. А что ж у вас до этого самого изъятия в иконы было вставлено?

Кондратий. Камни, только... поддельные, из стекла обыкновенного сделанные.

Тихон (*усмехаясь*). Бросьте пушку-то заливать, отцы! Тихона Иваныча трудно провести. Я сам любого двадцать раз проведу.

Кондратий. Падки люди чужое добро подсчитывать.

Тихон. Да разве это я в осуждение говорю? Так, к слову пришлось. А там господь с вами. Дело это

давнее, больше двух лет с тех пор прошло. При теперешней-то власти без обмана не проживешь. (*Раздается стук.*) Кого это там нечистый в такую пору принес. (*Идет покачиваясь в сени, а через некоторое время возвращается вместе с Терентием.*)

Терентий (*крестясь*). Здравствуйте!

Тихон. Здравствуй, коли не врешь.

Терентий. Я с просьбой к тебе, Тихон Иваныч.

Тихон. Нашел время для просьб. Ночь на дворе.

Терентий Дело такое вышло. Никак нельзя.

Тихон. Что там у тебя?.

Терентий. Будь отцом родным, дай мне мою лошадь денька на два, на три. Лес для сарая возить нужно, а лошади нет.

Тихон. Так. А долг принес?

Терентий. Без копейки сейчас сижу, Тихон Иваныч. Вот как обернусь с хлебом, непременно отдам.

Тихон. Тогда и лошадь получишь. Взял ты у меня двадцать рублей. В месяц по пять рублей процентов, значит за два месяца.—тридцать рублей всего с долгом. Приноси деньги и получишь лошадь.

Терентий. Я, Тихон Иваныч...

Тихон. Да еще за прокорм твоей лошади за два месяца. Твой должок-то уж рублей под пятьдесят вырос.

Терентий. Да нет у меня денег, откуда же я их возьму, коли нет. Из пальца не высосешь. А лошадь нужна. Хоть на два дня дай. Как привезу лес, так приведу обратно.

Тихон. Не дам. Я лошадь у тебя в залог взял.

Терентий. Знаю.

Тихон. А коли знаешь, так незачем тебе ее и спрашивать. Мне она самому нужна, завтра работник за

сеном поедет. Четыре лошади моих да твоя пятая. Как-раз все сено можно будет привезти.

Терентий. Войди в положение, Тихон Иваныч! Пропадет ведь у меня лес, ежели я его не возьму.

Тихон. А мне-то какое до этого дело? Лошадь дадена под залог. И разговаривать тут не о чем.

Терентий. Тихон Иваныч! Ведь ты на моей лошади уже два месяца работаешь, а я ее кормлю. Уж ради этого можно...

Тихон. Мое слово крепко. Сказано нет—значит нет.

Терентий. Так не дашь?

Тихон. Не дам.

Терентий. Ну подожди же, Тихон Иваныч. Припомнится это тебе!

Тихон. Да ты что? Угрожаешь мне?!

Терентий. Не угрожаю, а говорю. Ты думаешь, что здесь, в лесу, на тебя и управы не найдется? Найдется—теперь не старое время...

Тихон. Ах ты голодранец! Пролетария эдакая! Мне, Тихону Иванычу, ты смеешь угрожать. За все мои благодеяния!.. За мою доброту!..

Терентий. А сколько ты народу со своей добротой по миру пустил!

Тихон. Вон! Вон отсюда! Я тебе покажу! Будешь знать Тихона Иваныча!

Терентий. Меня не запугаешь!.. Хватит!.. Погнули шею. Теперь и мы возьмемся за ум. Тогда держись!.. Все, все мы тебе припомним! (*Выходит.*)

Тихон. А?! Каково?! Угрожает! Ах, чорт! Вот и делай после этого людям добро...

Кондратий. Добро скоро забывается, Тихон Иваныч! Особенно теперь. Свободу люди получили, теперь на все можно плевать.

Тихон. Ну, на меня-то не наплюешь! Ах, окаянные! Ну ладно. Тихон Иваныч за себя постоять сумеет... *(Шауза.)* Ну приложимтесь, братцы, по последней, да и спать пора. А Терехе я покажу. Он будет меня знать... *(Пьют.)*

Василий *(подходя к окну)*. Кажись, стихает.

Тихон. Что стихает?

Василий. Вьюга.

Тихон. А-а!.. Ну пусть стихает... *(Поднимаясь.)* Укладывайтесь, отцы. Лавок тут на вашу долю хватит. А-а... *(зевает)*. Пойду спать.

Кондратий. Сейчас и мы с молитовкой укладываться будем.

Тихон. Неловко вам будет на скамейках-то спать.

Василий. Ничего. Мы к мягким постелям не привыкли.

Тихон. Ой ли, отцы?.. А-а-а, ну спите!.. *(Покачиваясь уходит в горницу.)*

Кондратий *(смотря вслед Тихону)*. Откуда же этот толстый боров узнал о камнях?

Василий. Бор-ров? Это ты про кого?

Кондратий. Про хозяина. Он говорит, что камни остались у нас. Не проболтался ли ему об этом Кряж?

Василий. Ну, что ты!

Кондратий. Нужно скорей добраться до этого Кряжа, взять у него бриллианты и обратно, к отцу Елизару.

Василий. Да, нужно торопиться... А вдруг Кряж не отдаст нам этих бриллиантов?

Кондратий. Что ты в своем уме? Да как же не отдаст? Ключ-то ведь при нас. Гляди, гляди... *(Расстегивает рясу и обнажает грудь. На груди у него нарисован*

крест и две буквы: В и Б. В это время из чулана выглядывает Андрей. Монахи его не замечают.) Вот он. На груди у меня написан. Слышал, что говорил отец Елизар? Как только Кряж увидит этот знак, он вам отдаст бриллианты.

Василий. На рассвете и тронемся. А теперь еще не мешает выпить. Что ж добру-то пропадать... (*Наливает самогон и вместе с отцом Кондратием пьет.*)

Кондратий. Умный человек этот отец Елизар. Где бриллианты? Нет их и баста!.. На нет и суда нет. Выпьем остаточки за его здоровье!..

Василий. И во что ты только пьешь, отец Кондратий? Живот у тебя ровно бочка бездонная... (*Пьют.*)

Кондратий. Ж-животом господь не обидел.

Василий. Это хорошо.

Кондратий (*смотря пристально на пустую бутылку*). От-тец Василий...

Василий. А?..

Кондратий. Беса вижу...

Василий. Какого беса? Господь с тобой...

Кондратий. В-вот он!.. В бутылке сидит. Хвостиком виляет и смеется... Ты видишь?

Василий. П-подожди... Вижу, отец Кондратий. Свят-свят... Ишь ты, сатанинское отродье. Как он залез в бутылку? А?

Кондратий. Это ты не влезешь, а дьявол может. Подожди, я его... Сейчас выскочит. Господи, помоги! (*Ударяет кулаком по бутылке, та падает на пол.*)

Василий. Выскочил?

Кондратий. Кажись, выскочил... Н-нет, сидит... Вон он! Смотри-смотри! У него тоже на груди В. Б. написано.

Василий. Т-тише ты — услышат. Как могут святые слова на грудь к бесу попасть.

Кондратий. Я его выгоню. Смеется он что ли надо мной, бесово отродье? Вот тебе! (*Ударяет ногой по бутылке.*)

Василий. Отец Кондратий, перебудишь всех. Бес выскочил. Теперь можно и спать ложиться.

Кондратий (*опускаясь на лавку*). Вот видишь... Чтобы какой-то паршивый бес да монаха надул! Нет — шалишь!

Василий. Правильно... (*Растягиваются на лавках.*)

Кондратий. Ох-хо-хо, господи! (*Некоторое время что-то бормочет, а затем начинает храпеть. Ему вторит и Василий. Из чулана тихо выходят Андрей и Николай.*)

Андрей. Ну, слышал?

Николай. Неужели это правда?

Андрей. Я думаю, что правда. Нам же об этих бриллиантах рассказывал Иван.

Николай. Значит, они на хранении у этого знахаря, как его... Кряж, что ли...

Андрей. Выходит, что у него. Нужно этим отцам подставить ножку.

Николай. Как ножку?

Андрей. Экий ты недогадливый. Бриллианты должны быть у нас!

Николай. Трудная это штука. У них там какой-то ключ есть.

Андрей. Так что ж, по-твоему, драгоценности, которые принадлежат государству, должны остаться вот у этих долгогривых?

Николай. Ну, что ты!..

Андрей. А что касается ключа, так мы его сейчас узнаем... (*Подходит к Кондратию.*)

Николай. Тише...

Андрей. Да теперь можно из пушки стрелять— они не услышат... (*Расстегивает рясу Кондратию.*) Вот, смотри. Крест, а над крестом две буквы: В и Б.

Николай. Интересно, что означают эти буквы.

Андрей. Потом узнаем.

Николай. Ключ-то есть, а вот отопрем ли мы им что? Вряд ли нам поверит этот знахарь. Посмотри на себя и на меня, да от нас за версту комсомольцами пахнет. Уж один вид чего стоит.

Андрей. Кто ж тебе сказал, что мы в таком виде явимся к знахарю?

Николай. А как же?.. (*Некоторое время стоят молча.*)

Андрей. Да... Как же?.. Стой, придумал! Одолжим-ка у монахов их рясы. Спать-то они и раздетые могут. Сейчас стащим с них эти хламиды—и дело в шляпе.

Николай. Да ты с ума сошел!

Андрей. Как будто нет. Ты посмотри-ка, они в дрызг пьяны. Если их сейчас поставить на головы, так они все равно не проснутся.

Николай. Дело не в одних рясах.

Андрей. А в чем же еще?..

Николай. В рожах—вот в чем. Ну, посмотри на нас, похожи мы на монахов?

Андрей. Да... Я об этом не подумал... За молодых послушников, может, и сойдем.

Николай. Ну, нет. Послушников за бриллиантами не пошлют. (*Пауза.*)

Андрей. Эге! Есть!..

Николай. Тише, ты...

Андрей. Да ведь у нас и парики и бороды есть!

Николай. Правильно! Ты парень с головой. Я сейчас все принесу... (*В горнице раздаются осторожные шаги.*)

Андрей. Идут. Спрячься в чулан... (*Николай уходит. Из горницы тихо выходит с ребенком на руках баба.*)

Баба. Баю-баюшки-баю! Баю деточку мою! А-а! А-а! (*Не замечая Андрея, кладет на лавку ребенка и надевает шубу.*)

Андрей. Ты куда это ночью, тетка?..

Баба (*вздрагивая*). Ох, касатик, испужал ты меня... Парнишка-то мой шибко разнедужился. Плачет, груди не берет. Пойду я к Кряжу. Не могу я тут сидеть, на сердце у меня не покойно. На дворе, кажись, стихло. Авось, с господом доберусь... Прощай! (*Берет ребенка и выходит.*)

Николай (*выходя из чулана*). А эта баба нам не помешает?

Андрей. Нет. Ну, скорей, ведь нам еще четыре версты шагать. Ты снимай с Василия, а я с Кондратия... (*Подходят к храпящим монахам и стаскивают с них рясы. Те бормочут что-то, кашляют, но не просыпаются*). Готово. Вот тебе чернильный карандаш, рисуй у меня на груди ключ... (*Расстегивает ворот гимнастерки, и Николай выводит у него на груди крест и буквы.*)

Николай. Крест хорош—хоть рисовал и безбожник. Буквы тоже сойдут. В. Б.—готово.

Андрей. Где парики?..

Николай. Вот лежат.

Андрей. Я буду постарше тебя. Дай-ка мне седой парик... (*Надевают парики и бороды.*) Хорошо. Второй раз обряжаюсь я в этот костюм. Первый раз изображал монаха на комсомольском рождестве, а во второй—сейчас.

Николай (*натягивая скуфью на голову*). Чем не монах!..

Андрей. Ну, а как я?.. Похож?..

Николай. Хорош.

Андрей. Если дело не сорвется, так... Эх!.. Что на эти бриллианты можно будет сделать! Закачаешься! Школу, избу-читальню. Ну, Николай, идем!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Изба знахаря Кряжа. Большая печь, две двери: одна в сени, другая в чулан. В углу множество грязных, потемневших от времени икон. На бревенчатых стенах развешены пучки каких-то трав, мешочки, березовые веники. За столом, что-то растирая в ступке, сидит Кряж — лохматый, угрюмый старик, с большим горбом за спиной. По избе взад и вперед прохаживается отец Трофим.

Трофим (*разглаживая реденькую седую бороду*). Да, жизнь... К чему мы идем—не знаю.

Кряж. К погибели—вот к чему.

Трофим. Воистину. Думал я, что к нам в нашу глушь не доберется эта зараза; нет, кажется, подходит. Молодых в храме уже не видно.

Кряж. Да, все больше наш брат старик усердствует.

Трофим. Пройдет несколько годков, а там, пожалуй, и храм закрыть придется. Старые перемрут, а молодые все в безбожии растут.

Кряж. Не одни старики, все перемрут—к концу мы идем, к погибели. Чую я, отец Трофим, что не долго людям жить осталось. Уж началось истребление рода человеческа. Сперва война, потом тиф, за тифом голод, а теперь чума, говорят, движется. Скоро и к нам пожалует. Пусть... пусть, это хорошо. Авось, перед концом образумятся люди, спокаются...

Трофим. Чума это что! Когда-то она еще будет, а вот безверие-то к нам уже пришло...

Кряж. Все это господом посылается...

Трофим. Ну, что ты, Матвей! Безверие—и вдруг господом посылается...

Кряж. Господом.

Трофим. Как же это так?..

Кряж. Да так—для испытания.

Трофим. Для испытания, говоришь?

Кряж. Для испытания. Хочет господь познать, сколь крепка вера в людях.

Трофим. А по-моему, так это все от сатаны...

Кряж. Так и должно все быть. Страшный суд, конец света близится. И голод, и большевики, и безверие—все одно к одному.

Трофим. Жди его, конца-то, когда он там придет. А вот сейчас тяжко жить, ох как тяжко!

Кряж. Скоро-скоро придет.

Трофим. И так приход у нас не ахти какой. С хлеба на квас перебиваться приходится, а теперь и того хуже. Я уже не знаю, что и делать.

Кряж. Конца надо ждать.

Трофим. Конец-то—концом, а жизнь—жизнью... (*Пауза.*) Другие как-то изворачиваются, а вот я не могу, больно рыхлый человек. Вон у отца Александра из Полесья икона в церкви обновилась. Была старая, замызганная, и вдруг—приходит народ к обедне, смотрит, а икона эта в новенькую обратилась. Так и горит. Смазал он ее чем-то,—и готово чудо.

Матвей. Ишь ты!

Трофим. Месяца полтора к нему народ со всех концов валил. Сколько он денег нагреб! (*Вздыхает.*) А отец Кирилл из Березина еще лучше придумал.

Узнал он о чуде отца Александра и тоже подстроил штуку. И ловко шельмец подстроил. У него в церкви около алтаря икона спасителя стоит, большая икона, и вдруг этот спаситель заплакал. Смотрит народ, а у спасителя из глаз слезы текут.

Кряж. Слезы?

Трофим. То-есть не слезы, а... вода. Просверлил он в иконе, где надо, дырочки, пристроил за иконой баночку с водой, и вода протекала в эти самые дырочки. А со стороны, конечно, вода-то за слезы сходила.

Кряж. Жульничеством это называется! Да, жульничеством. Вот оно время-то! Даже служители бога над богом же издеваются. Близок, близок конец мира.

Трофим. Да какое же это жульничество? Ведь нужно же как-нибудь жить. И священник—человек. Отец Александр как узнал о чуде отца Кирилла, так чуть со зла не лопнул. Народ-то от него к отцу Кириллу повалил. Оно, конечно, обидно... Да. (*Пауза.*) Два месяца со своим чудом прыгал отец Кирилл, а на третий его посадили...

Кряж. Посадили?

Трофим. Да... в тюрьму... Сам знаешь, в каком загоне теперь православие... *(Пауза.)* Рискованно это теперь, а то можно было бы что-нибудь придумать. Сон вещий увидеть или икону явленную смастерить.

Кряж. Нет, отец Трофим! Не смеешь ты этого делать,—а если и сделаешь, так всем об этом расскажу. Не позволю я над богом издеваться, не позволю с христом жульничать.

Трофим. Не по-приятельски это, Матвей. Уж коли говорить на чистую, так я про твое лечение тоже могу кое-что рассказать. Разве ты-то не грешишь?

Кряж. Я? Я коли грешу, так бога к своему греху

не примазываю, а ты с богом свои шутки проделывать хочешь...

Трофим. Не с богом, а с иконой...

Кряж. А про меня ты ничего не скажешь!

Трофим. Экий ты! Да я пошутил. Лечи на здоровье. Мне от твоего лечения, кроме пользы, ничего нет. Все чаще хоронить приходится... Ох-хо-хо!. Пора к дому трогаться. Заговорился я с тобой. Прощай.

Кряж. Прощай. Пойдем, я за тобой запру... *(Выходит, а через некоторое время возвращается.)* Ишь ты!. Я уже пятнадцать лет народ пользую. Под меня, батя, не подкопаешься... *(Подходит к окну.)* Тьма какая... Вся деревня тьмою покрыта... *(В дверь стучат.)* Кого еще там принесло... *(Выходит в сени, а через некоторое время возвращается. За ним идет баба с ребенком.)*

Баба. Прости, касатик. Уж больно он разнедужился. Ночью пошла. Вот только по дороге затих, а то все время кричит, груди не берет.

Кряж. Ну коли такое дело—входи. Что у тебя с ним?

Баба. И не знаю, батюшка. Вот уж четвертый день, как пятнышки у него по всему тельцу пошли. Я его сперва своими средствиями пользовала, а потом, вижу не помогает, к тебе пошла. Помоги, касатик.

Кряж. Так-так...

Баба. Вот, прими... (*Достает из-за пазухи кредитку и дает Кряжу.*)

Кряж (*пряча бумажку*). Дай-ка дитё.

Баба. Погоди, я его разверну.

Кряж. Развертывать не надо, пусть так будет. Пятна, говоришь, у него?... (*Берет ребенка.*)

Баба. Пятна, батюшка, и по спинке, и по животику пятна.

Кряж. И кричит?

Баба. Кричит. День и ночь кричит.

Кряж. Так-так.

Баба. Сейчас-то вот примолк. Должно, заснул.

Кряж. Стань в стороне и молчи. (*Кладет ребенка на стол, уходит в чулан и через некоторое время возвращается с банкой.*) Как имя-то?.

Баба. Анна, касатик.

Кряж. Да не твое, младенца.

Баба. Младенца-то? Иван.

Кряж (*зажигая серу*). А отца как зовут?

Баба. Кирилой. (*От горящей серы идет густой, едкий дым.*)

Кряж (*беря на руки ребенка*)! Читай: отче наш.

Баба (*торопливо*). Отче наш иже еси на небеси...

Кряж. Промеж себя. (*Держит ребенка над банкой, из которой продолжает валить дым.*) Как по зимней поре, на Кириловом дворе, ночной-темной порой объявилась хворь. Во младенца Ивана хворь люта вошла, во теле Ивана—свое место нашла. О, ты лютая хворь, из младенца выйди вон. Выйди паром али духом, выйди старою старухой. Пойди в лес али в бор, не вертайся к Кирилу на двор. Войди в птицу али в зверя, войди в коршуна али в медведя. А дома Кирилова, тела Иванова: чур, чур, чур,! Тьфу!.. Плюнь три раза.

Баба. Тьфу! Тьфу! Тьфу!

Кряж. Так. А теперь смажу я его снадобьем, дам этого снадобья и тебе. Три дня, на закате и на восходе солнышка, будешь смазывать его. Поняла?

Баба. Как же не понять, батюшка—поняла.

Кряж. Подержи его, я сейчас принесу снадобье. (*Идет в чулан и приносит банку с какой-то мазью, затем берет у бабы ребенка, кладет его на стол и раскутывает.*)

Баба. Спит он, должно.

Кряж (*вздрагивая*). Да ведь он у тебя... мертвый.

Баба. Ч-что?

Кряж. Мертвый он.

Баба (*некоторое время стоит неподвижно, а затем с пронзительным криком падает на колени*). Золото мое ясное! Детеныш мой ненаглядный! Открой свои глазыньки светлые! Посмотри на меня, мать свою несчастную! Ванюшка! Птенчик мой, на кого же ты меня спокинул горюху-горькую, безутешную! Что ж это такое! А-а!. (*Падает головой на завернутое тельце.*)

Кряж (*скобля затылок*). Ишь ты, оказия-то какая...

Баба Да что ж это такое?!

Кряж. Что ж, что ж. Да ведь ты его мертвого ко мне принесла. Мертвого я от болезни заговаривал.

Баба. Да как же это так?. Ночью он у меня плакал.

Кряж. Что ж из этого. Плакал-плакал, а потом взял да помер.

Баба. Что мне теперь делать?!

Кряж. Домой надо итти да к похоронам готовиться— вот что.

Баба. К похоронам! Неужто помер Ваничка-то?!.

Кряж. Знамо-дело, помер. Аль не видишь? Уж застыл.

Баба. Застыл... (*Снова бросаясь к ребенку.*) Дитё мое единственное, ненаглядное! Ваня! Ваничка! Мальчик, мальчик мой милый!

Кряж. Ну хватит голосить-то. Слезами тут не поможешь. Господь дал—господь и взял. Против его воли не пойдешь. Так-то, матушка.

Баба. Четыре дня мучился бедненький.

Кряж. Сама виновата. Три дня своими средствиями лечила, а только на четвертый догадалась ко мне притти. Эх, ты! Баба!

Баба. Ой, ноженки мои подламываются, силушки нету итти.

Кряж. Авось дойдешь с господом.

Баба. Может, ты его не от этой болести заговаривать стал, он и..

Кряж. Ты что ж, учить меня хочешь, голова пустая? Я пятнадцать лет людей пользую, а ты мне эдакие вещи говоришь.

Баба. Прости, касатик, не в себе я...

Кряж. То-то...

Баба. Ох, прощай. (*Выходит.*)

Кряж (*некоторое время стоит молча*). Ну, и оказия... (*В дверь стучат.*) Экая ночь,—ровно взбесились люди. (*Идет в сени и через некоторое время возвращается с монахами-комсомольцами.*)

Андрей (*крестясь*). Мир дому сему!

Николай. Хозяину здравия и силы пошли, господи.

Кряж. Здравствуйте, отцы... Проходите сюда...

Андрей (*опускаясь на лавку*). Ох, еле-еле дошли. Вся силушка вышла.

Кряж. Да, в такую погоду не дай бог быть в дороге.

Николай. С молитовкой кое-как дошли.

Андрей. Принесли мы тебе, Матвей Иваныч, поклон от отца Елизара... (*Встает и кланяется.*)

Кряж. От отца Елизара?! От игумена Троицкого монастыря?!

Николай. От него самого.

Кряж (*без всякой надобности бегая по избе*). Батюшки! Радость-то какая! А я уже думал, что он совсем меня забыл! Оказывается, нет, помнит. Спасибо, спасибо, отцы. Да вы раздевайтесь, гости дорогие. Сейчас я самоварчик изображу. Чай будем пить.

Андрей. Ты не беспокойся, Матвей Иваныч, мы к тебе не на долго. Торопимся мы.

Кряж. Что ж это такое, только пришли и уж торопитесь. Наверное, издалека пришли.

Андрей. Из самого города.

Кряж. Из города? Отец Елизар в городе проживает?

Андрей. В городе. Из монастыря-то нас, того-с, прогнали.

Кряж. Знаю, знаю.

Николай. В монастыре теперь ребята голоштанные живут.

Кряж. Страсти-то какие. К концу мы идем, к концу. Близок страшный суд.

Андрей. Ох, как близок.

Николай. Сказано в писании: «Приидет в мир пред страшным судом антихрист»... Антихрист пришел да не один—тысячи этих антихристов стало.

Андрей. Имя им—большевики.

Николай. И с каждым днем их все больше и больше делается. Пожалуй, к концу-то света люди в антихристов превратятся.

Кряж. Ох, господи! Велик ты во гневе своем.

Андрей. Воистину. А мы к тебе по делу от отца Елизара пришли.

Кряж. Для отца Елизара я на все готов.

Андрей. Пришли мы к тебе за тем, что он тебе на хранение два года тому назад дал. Помнишь?

Кряж. Мне? На хранение? Что-то не припомню. Отец Елизар мне как будто бы ничего не давал. В последний раз, когда я его видел, дал он мне...

Николай. Вот-вот!

Кряж. ... благословление праведническое, а больше ничего.

Андрей. А-а... Благословление-то ты можешь оставить при себе, нам кое-что другое нужно.

Кряж. Что же вам нужно? Не пойму я вас.

Андрей. Камни драгоценные.

Кряж. К-камни? Какие камни? И не ведаю, о каких камнях вы говорите, отцы. Тут что-то не так.

Андрей. Есть у нас для этих камней и ключ.

Кряж. Какой ключ? Что-то не пойму я вас, отцы.

Андрей (*распахивая грудь*). Вот! Знаешь, что это?

Кряж. З-знаю...

Андрей. Говори, что это написано?

Кряж. «Великий боже». Вот что.

Андрей. То-то.

Кряж. Простите меня, старого, отцы. Ваша правда, два года тому назад мы с отцом Елизаром уговорились. У того, кто придет от него, должны быть написаны две буквы от двух слов: В. Б. — Великий боже и крест нарисован.

Андрей. Это мы все знаем, папаша. Только зачем ты от всего отказывался?

Кряж. Да ведь сами знаете, какое теперь время-то, отцы. Мало ли, что...

Андрей. Это хорошо, Матвей Иваныч, теперь на слово людям верить нельзя.

Кряж. Вот-вот. Про это самое я и говорю.

Андрей. Так вот мы и пришли за этими самыми каменьями. Целы они?

Кряж. Да за кого ж вы меня принимаете, отцы?! Два с лишним года берег я их, пуще глаза берег.

Николай (*делая низкий поклон*). Спасибо, Матвей Иваныч. Отец Елизар отблагодарит тебя за эту услугу.

Кряж. Никакой благодарности мне не нужно,

отцы. Пусть только отец Елизар поминает меня, грешного, в своих молитвах.

Андрей. Молимся мы за тебя, Матвей Иваныч, молится и отец Елизар.

Кряж. Спасибо, спасибо. Сейчас я дам вам ваши камни. (*Уходит в чулан.*)

Андрей. Ну, как?

Николай. Ловко.

Андрей. А я, признаться, притрухнул, когда он начал отказываться от камней. Ну, думаю, лопнуло наше дело.

Николай. Да, он старик с головой.

Андрей. Еще бы. Пятнадцать лет православных надувает. С пустой головой тут давно бы без головы остался.

Николай (*обводя взглядом стены*). Сколько у него тут всякой дряни навешено.

Андрей. Аптека, аптека, братец.

Николай. Ох, много на Руси-матушке таких аптек.

Андрей. Да, если бы у нас было столько врачей, сколько есть знахарей!

Николай. Дай срок, будут аптеки, будут и врачи. (*Входит Кряж со свечкой в руках.*)

Кряж. Сейчас достанем камни. (*Зажигает свечку, гасит лампу, отвертывает у нее горелку. Монахи-комсомольцы с удивлением смотрят на Кряжа. Кряж, отвинтив горелку, выливает керосин в стакан. Вместе с керосином из резервуара в стакан падают и бриллианты.*) Вот они, ваши камушки. (*Достает из стакана бриллианты.*)

Андрей. Ну, и местечко же ты для них нашел! Никто бы никогда не догадался, что здесь хранятся бриллианты.

Кряж. Самое подходящее место. Ни воры, ни большевики не додумались бы. Вот они—двенадцать камушков. Ишь ты, горят-переливаются.

Андрей (*завертывая бриллианты в бумагу*). Ну, твоей услуги отец Елизар никогда не забудет.

Кряж. Для отца Елизара я на все готов. Передайте ему мой поклон.

Андрей. Передадим. Да мы тебе на всякий случай и адрес его оставим. Будешь в городе—заходи. Отец Елизар будет рад. *(Достает из кармана карандаш с бумагой, что-то пишет и сложив записку, передает ее Кряжу.)*

Кряж. Спасибо, отец.

Николай. Ну, а как у тебя, Матвей Иваныч, дела идут?

Кряж. Милостью божью — ничего, жаловаться нельзя. Всю округу лечу. Не забывают меня люди.

Андрей. Ну еще бы! Сколько ты народу уморил... тьфу, излечил.

Кряж. Господь помогает. *(Пауза.)*

Андрей. Ну, пойдем, отец Ферапонтий.

Кряж. Вы, быть может, чайку бы выпили?

Андрей. Нет-нет, премного благодарны. Пора нам трогаться. Прощай.

Кряж. Ну, что ж делать. Прощайте. *(Монахи-комсомольцы выходят, Кряж их провожает, а затем возвращается. Подойдя к окну, он некоторое время смотрит на улицу, а потом, достав из кармана бумажку, развертывает ее и читает. Бумажка падает на пол, Кряж хватается за голову и опускается на скамейку.)* Антихристы! Обманули!! Обманули, Иродовы дети! А-а!.. *(С криком выбегает из избы.)*

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Декорации первой картины. Светает. Василий спит на лавке, а Кондратий, развалившись, на полу. Некоторое время царит тишина, нарушаемая дружным храпом монахов. На дворе раздается крик петуха.

Кондратий (*потягиваясь*). А-а-о-о! Господи! Господи! О-о! Тьфу! (*Поднимается, садится и некоторое время с недоумением осматривается.*) Гм... Лег как будто бы на лавке, а проснулся на полу... История!.. Тьфу!.. (*Бросает взгляд на продолжающего храпеть Василия.*) Отец Василий!.. (*Василий что-то бормочет и отворачивается к стене.*) Ишь ты, навертывает... Отец Василий!..

Василий. М-м... А?

Кондратий. Проснись.

Василий. Что?

Кондратий (*с трудом поднимаясь с пола*). Ты, брат, рясу проспал.

Василий (*ворочаясь*). Какую рясу?.. О-о!.. Уж светает... (*Испускает носом протяжный свист.*)

Кондратий. Да проснись, отец Василий! (*Тормошит его.*) Где у тебя ряса-то?

Василий. Тьфу! Пристал, как банный лист. Какая ряса?

Кондратий. Твоя, вот какая.

Василий *(поднимаясь)*. А где твоя?

Кондратий. Моя? *(Смотрит на себя, а потом переводит взгляд на Василия.)* Гм... Что ж это такое? Навождение бесовское...

Василий. Может, и навождение. Не знаю.

Кондратий. Чудно... Куда ж это они могли деться?

Василий. Кто?

Кондратий. Тьфу! Рясы, вот кто.

Василий. Воистину. Куда же это они делись? *(Молча, глядя друг на друга, скоблят в затылках.)*

Кондратий. Может, под лавку завалились... *(Наклоняется и смотрит под скамейку.)*

Василий. Слезли сами с плеч и под лавку. Так, по-твоему?..

Кондратий. Так ведь не унес же их сатана?

Василий. Тьфу! Что ты поминаешь нечистого!

Кондратий *(бегая из угла в угол)*. Нет, это чорт знает что! Где наши рясы?

Василий. А я-то почем знаю?

Кондратий. А коли не знаешь, так проглоти язык! *(Пауза.)* Слушай, отец Василий... *(Подходит к Василию.)*

Василий. Что?..

Кондратий *(тихо)*. По-моему, нас с тобой просто-напросто обворовали?..

Василий. Как обворовали?

Кондратий. Смотрю я на тебя, отец Василий, и диву даюсь. У тебя уж волосы от старости из головы вылезли, а ты глуп, как дитё малое... Тетеря!..

Василий. Да что ты лаешься, как собака цепная? Проспал рясу, а я виноват.

Кондратий. А ты не проспал?

Василий. Так я и молчу.

Кондратий. Нужно не молчать, а искать.

Василий. Что ж, поищи. Может, она у тебя в кармане лежит.

Кондратий. Не выводи меня из терпения, отец Василий. Сам знаешь—я во гневе страшен.

Василий. Подумаешь!..

Кондратий. Вот тебе и подумаешь. Аль ты меня первый день видишь? Один раз отец эконом вот так же разозлил меня, так я ему под горячую руку полбороды вырвал. Дождешься этого и ты.

Василий (*с усмешкой*). Полбороды!.. А потом сам же от него под стол залез...

Кондратий. Замолчи! Или я...

Василий. Не скандаль. Здесь тебе не монастырь... (*Некоторое время молчат.*)

Кондратий. Слушай, отец Василий, не снял ли кто с нас наших ряс?

Василий. Как?

Кондратий. Ну, как снимают. Мы ведь, грешники, вчера так накачались, что нас можно было догола раздеть, и то бы не услышали.

Василий. А кому нужны наши рясы?..

Кондратий. Кому хошь. Их и на штаны, и на юбку можно переделать.

Василий. Так что ж, по-твоему, их у нас украли?

Кондратий. Наконец-то догадался!

Василий. Гм... А кто ж, по-твоему?

Кондратий. Кто? По-моему, хозяин. Он вчера все на них поглядывал. А у меня даже по дороге, когда ехали сюда, спросил: «Теплая, — говорит, — эта штука-то?» То-есть ряса. Я это сразу заметил, ведь меня провести трудно.

Василий. Ах он шельмец эдакий!.. Ну и гусь!.. У него и рожа-то бандитская.

Кондратий. Хороший человек постоялого двора держать не будет... Он нас нарочно вчера спаивал. *(Из горницы доносится кашель.)* Вот он, кажись, идет. Мы его сейчас подденем. Монахов, братец, не надуешь... *(Входит Тихон. Заспанные глаза, растрепанная борода и волосы.)*

Тихон. Здравия желаю, отцы.

Кондратий. Здравствуй.

Тихон. Ну, и выпил же я... Того и гляди, что башка треснет, а в глазах все ходуном ходит... *(Зевая, опускается на лавку.)* О-о-а-а!.. Разве еще часочек всхрапнуть? А вы что ж это разделись? Али жарко после вчерашнего?

Кондратий. Мы-то не разделись бы, да нас раздели.

Тихон. То-есть как раздели?

Кондратий. Как раздевают—сняли рясы и все тут.

Тихон. Хо-хо-хо! Рясы сняли! Чудаки!

Кондратий. Смеяться тут нечему...

Василий. Да-да, нечему...

Кондратий. Тут, можно сказать...

Тихон *(перебивая Кондратия)*. Да как же не смеяться! Рясы сняли! Кто ж это ухитрился?

Кондратий. Ты, наверно, лучше нашего знаешь, кто.

Тихон (*удивленно*). Я?

Василий. Да-да, ты.

Тихон. Откуда же мне знать, отцы? Ведь рясы-то на вас были.

Кондратий (*откашливаясь*). Будем лучше на чистую говорить, хозяин. Ты у нас рясы стащил.

Тихон. Да вы что, белены объелись, отцы? Аль у вас хмель не прошел?

Кондратий. Зубы-то нам нечего заговаривать. Мы тоже птицы стреляные. Отдавай рясы, не то к властям пойдем. Да-с, к властям.

Тихон. Вы что ж это всерьез говорите?

Кондратий. А то что ж, думаешь, шутим?

Тихон. Ах вы, псы долгогривые! Да на кой леший сдались мне ваши попоны?! У меня у самого полные сундуки добра. Я вас и с ногами и с руками одним ситцем могу завалить. Я... я!

Василий. А кто ж у нас тогда рясы стащил?

Тихон. Марфа!.. Марфа, поди сюда!..

Марфа *(из горницы.)* Чего?

Тихон. Поди сюда. *(В избу входит Марфа.)* Посмотри-ка на этих пьянчуг. Проспали свои рясы и теперь говорят, что я их украл. А?..

Марфа. Да вы что ж, в своем уме, отцы? Где ж у вас стыд после этого?

Тихон. Да у них его никогда и не было. Чай, монахи.

Кондратий. Ты нашего сана не трожь, богохульник эдакий.

Марфа. Их как добрых приютили, а они после этого такие слова говорят.

Тихон. Обожди, я сам с ними поговорю.

Кондратий. Нам говорить не о чем.

Марфа. А еще монахи! Да вы после этого...

Тихон. Не таратор—мельница ветряная. Иди на свое место.

Марфа (*уходя*). Ишь ты, рясы у них украли!

Тихон. А вы, долгогривые, выметайтесь. После таких слов, чтобы не было вас в моем доме! Ну марш! Вот вам бог, а вот порог.

Василий. Да куда же мы пойдем раздетые в такой мороз?

Тихон. А мне плевать на мороз. Коли я, по-вашему, выхожу жулик, так убирайтесь из моего дома.

Кондратий. Позвольте! Тихон Иваныч!.. Нельзя же так... Ну, мы погорячились...

Тихон. Погорячились? Так вот на морозе остынете. (*Толкает их.*)

Кондратий. Тихон Иваныч! Дай слово сказать...

Тихон. Ну?

Кондратий. Коли мы неправильно сказали, так прости. Давай по-людски разговаривать. Ведь пропали рясы-то?

Тихон. А я тут при чем? На кой пес мне ваши рясы? В монахи я, слава богу, не сбираюсь.

Кондратий. Може их работник твой подцепил?

Тихон. Работник? А вот я сейчас его кликну. Иван!.. Иван!..

Марфа *(из горницы.)* Нету его. Я его сама искала. Как сквозь землю провалился.

Тихон. Гм. Куда ж он делся?..

Василий. Вот видишь: стащил с нас рясы и удрал.

Тихон. Куда он удерет? У него в Голодаеве семья.

Кондратий. Он!—как бог свят, он стащил рясы.

Тихон. Подождите. Когда придет, тогда разузнаем.

Василий. Жулик! Чтоб ему лопнуть, окаянному.

Тихон. Стоило бы вас за ваши речи на мороз выгнать, ну да ладно. Ждите работника... Отцы лохматые, рясы проспали.

Кондратий. С кем греха не бывает. (*Тихон уходит в горницу.*)

Василий. Ох, господи! Экое несчастье.

Кондратий. А все ты, отец Василий!.. Выпьем да выпьем — вот и выпили.

Василий. Конечно, я виноват. Силой что ли тебе самогон-то в рот лили, не пил бы.

Кондратий. Ну, если бы весной эта беда приключилась, тогда бы еще ничего...

Василий. Хороши! Отец Елизар послал нас как порядочных, а мы... Как теперь в таком виде до Кряжа дойдешь?

Кондратий. Может, у хозяина какая одежонка найдется.

Василий. Да ведь в простой одеже к нему итти нельзя... Не поверит он нам.

Кондратий. Так у нас ключ с собой есть.

Василий. С ключом без ряс далеко не уедешь... *(Пауза.)*

Кондратий *(разгуливая по избе)*. Сидим, как крысы в клетке... Тьфу!.. С ума сойдешь... *(Входят Андрей и Николай, подмышками у них свернутые рясы.)*

Андрей. Мир вам, отцы почтенные!

Кондратий. Здравствуйте.

Андрей. Вы, как видно, тут о рясах толкуете? Вот они.

Кондратий. Рясы наши, отец Василий.

Николай. Ваши, ваши...

Василий. Вы... вы их взяли?

Андрей. Да, мы...

Кондратий *(напяливая на плечи рясу)*. Да как же это так?

Николай. Извинения просим, отцы...

Андрей. Вы не сердитесь. Мы в них только к знахарю сходили, а так-то они нам не нужны. Мода на этот костюм уже прошла.

Кондратий. А зачем это вам потребовалось к знахарю итти?

Андрей. За тем же, за чем и вам, отцы. Вам-то уже теперь не стоит к нему ходить. Мы за вас сходили.

Кондратий. Зачем вы к нему ходили?

Андрей. За бриллиантами, отцы почтенные.

Василий. За бриллиантами?

Кондратий. Свят-свят. (*Бессильно опускается на лавку.*) Вы вправду?

Андрей. Не верите? Вот они... (*Достает из кармана пакетик и развертывает его.*)

Кондратий. Грабители!

Николай. Грабители-то вы, а не мы.

Василий. Это монастырские бриллианты.

Андрей. Когда-то были монастырскими, а теперь государственные.

Кондратий (*бросаясь к Андрею*). Отдай их! Сейчас же отдай!

Андрей. Легче, отец! Отдадим мы их, да только не вам.

Василий. Дневной грабеж!

Андрей. Не кричите. Будете кричать, так в тюрьму попадете. Знаете, что за такие вещи полагается? Сами сглупили, так на себя и пеняйте. Игумен-то у вас, как видно, человек не глупый, а вот помощнички у него—дураки. Меньше бы вы болтали, тогда бы авось ваше дело и выгорело... (*Вбегает Кряж, без шапки с растрепанными волосами. Некоторое время смотрит на присутствующих, а потом бросается к Кондратию и Василию.*)

Кряж. Вот вы, анафемы!

Кондратий. Да ты что, спятил с ума?

Кряж. Отдайте камни, иродовы дети! (*Хватает Кондратия за горло.*)

Кондратий. Пусти!

Кряж. Обманом взяли! Сволочи! Отдай каменья иль я тебя придушу.

Василий (*стараясь оттащить Кряжа от Кондратия*). Да не мы это у тебя были! Образумься, Кряж.

Кряж (*разрывая рясу на груди Кондратия*). Вот он! Вот он—ключ! Обманом наверно ключ достали, обманом и камни взяли. И еще записку с насмешками вместо адреса оставили! Анафемы!

Андрей (*отталкивая Кряжа от Кондратия*). Не кипятись, старик. Не они к тебе приходили. Вспомника тех монахов и посмотри на этих!

Кряж. Не рассмотрел я их у себя-то! Да это они... И ключ у них... Вот он! В. Б... Великий боже!

Кондратий (*указывая на Андрея*). Вот кто у тебя был! Они тебя обманули...

Кряж. Не бреши!

Андрей. Правда, старик. Они не при чем... Смотри... (*Быстро натягивает на голову парик, привешивает бороду и усы.*) Ну? Узнал?

Кряж. Дьяволы!

Андрей. Не дьяволы, а комсомольцы... (*Снимает парик.*)

Кондратий. Чуть не задушил. (*Кряж молча опускается на скамейку. Входит Тихон.*)

Тихон. Ишь сколько народу-то собралось. Доброго здоровья! Матвей Иваныч, каким ветром тебя к нам занесло?

Кряж. Я того... к больному.

Тихон (*обращаясь к комсомольцам*). А вы кто такие будете, господа хорошие?

Андрей. Кто мы? Комсомольцы.

Тихон. Комсомольцы?! Милости просим! Милости просим, гости дорогие. Далеко ли путь держите?..

Николай. В Голодаево.

Тихон. В Голодаево? Так-так. Марфа, ставь самовар, гости у нас.

Марфа (*из горницы.*) Сейчас.

Тихон. Вы что ж, по делам в Голодаево-то?

Андрей. По делам.

Тихон. По каким же?..

Андрей. По каким? Дряни тут, говорят, много всякой развелось... Так вот от нее деревню очистить нужно.

Тихон. Это вы про какую же дрянь? У нас тут кажись все благополучно. Живем мы тихо, мирно, по слободному. У нас даже и сельсовет есть, с председателем—все как полагается.

Николай. Да, кое-кто здесь живет очень свободно, так вот таких нужно будет взять в ежовые рукавицы.

Тихон. Как же это так. Свободу дали и вдруг ежовые рукавицы.

Андрей. Дали, да не для всех.

Тихон. Ничего не понимаю. (*С недоумением скоблит затылок.*)

Николай. Придет время—поймешь... (*В избу вбегает отец Трофим.*)

Трофим. Тихон Иваныч! Мужики идут! Все... (*Увидев комсомольцев, осекается и усиленно начинает сморкаться в платок.*)

Тихон. Мужики?

Андрей. Какие мужики?

Трофим. Там... Наши...

Андрей. Пойдем, посмотрим. (*Выходят.*)

Трофим. Ох, беда! Ехал я на похороны, смотрю у сельсовета собрались мужики, а твой работник, Иван-то, что-то им толкует... Прислушался я... А он

орет: «Хватит! Поиздевался он над нами...» Это про тебя... «Теперь пора нам за ум браться. Пойдемте все со мной». Я лошадь стегнул, да сюда! Ох, не могу! *(Опускается на лавку.)*

Кондратий. Господи! Страсти-то какие!..

Кряж. Говорю я, что конец близок.

Трофим. Да ну тебя, Матвей! И без того тяжко, а ты все со своим концом носишься.

Кряж. Знамо дело, свет-конец подходит.

Тихон (*ударяя кулаком по столу*). Ну, подожди же, Ванька, рассчитаюсь я с тобой. Так-то вы за добро отплачиваете! (*Входят Андрей и Николай.*) Товарищи-граждане! Что ж это такое? Да ведь они... они... убить могут.

Андрей. Сам виноват, братец. (*Подходит к окну. С улицы доносится гул множества голосов. Слышатся отдельные выкрики: «Выходи! Хватит, натерпелись! Теперь посчитаемся!» В избу вбегает Марфа.*)

Марфа. Тихон! Мужики!

Тихон. Сам слышу. (*Дверь раскрывается, и в избу вваливаются мужики. Впереди всех Иван и Терентий.*)

Иван. Здесь он! (*Тихон, монахи, отец Трофим и Кряж сбиваются в кучу в углу*). Их тут целая компания.

Терентий. Ну, Тихон Иваныч, пришли мы считаться...

Все. Выходи! Что ж в угол-то забился, ровно волк! Язык проглотил! Ну! Что ж ты?! Аль душа в пятки ушла!..

Андрей (*выступая вперед*). Тише вы! Говори кто-нибудь один. Что вы все разом-то галдите! (*Толпа стихает.*)

Иван. Житья от него нет, товарищи,—как раньше

давил, так и сейчас давит. Ему тут хорошо в глуши-то. Народ мы темный...

Терентий. Мне дал в долг два червонца, а заплатить я ему должен три. Да еще взял лошадь в заклад. Разве это по правильному.

Иван. А я ему за хлеб вот уже три месяца задарма работаю.

1-й мужик. Не одним вам, всем насолил. Мы тоже с братом одолжили у него хлеба для посева, а потом сколько земли ему даром обработали.

2-й мужик. И с мертвого, и с живого дерет.

Тихон. Дайте мне сказать...

Иван. Нечего тебе говорить.

Андрей. Тихо! Пусть говорит!

Терентий. Правильно. Послушаем...

Тихон. Мужички! Не ожидал я этого от вас. Как ни как, а все-таки я всегда ваши нужды понимал, всегда жалел.

Мужики. Ишь! Жалел волк кобылу, оставил хвост да гриву! Благодетель-то нашелся. Каково поет.

Андрей. Тихо!..

Тихон. Може я когда и был виноват, так сами посудите, кто из нас не грешен.

Мужики. Хватит. Он теперь соловьем разливаться будет! Знаем мы тебя! Хорош гусь.

Андрей. Граждане! *(Все стихают.)* Я и мой товарищ присланы в ваше село из города для работы. Мы пришли сюда только ночью и уже знаем Тихона Иваныча. Всем вам, как видно, он здорово насолил.

Мужики. Знамо-дело! Житья от него нет! Задавил!

Андрей. Давно вам пора было бы взяться за ум. Но только запомните, с кулаками на кулаков итти нельзя. От такой борьбы—толку на ломаный грош. Не

сила здесь нужна, а кое-что другое, товарищи. У вас тут в лесу, в глуши, много волков, вон—целая стая *(указывает на скучившихся: Кряжа, Тихона и других)*. Эти куда опаснее лесных. С ними просто кулаками не справишься. Только тогда мы их возьмем в руки, когда будем действовать дружно. Когда все будем стоять один за одного. Помните, что теперь сила на нашей стороне. Эти волки подожмут хвосты.

Мужики. Правильно! Правильно! Сила на нашей стороне! Хвосты им хорошенько поприжать! Чтоб запищали!..

КОНЕЦ